

- тыс. до н.э. // История государства и права. 2011. № 11. 119 с.
3. Finkelstein J. J. Ammişaduqa's Edict and the Babylonian «Law Codes» Journal of cuneiform studies. 1961. Vol. 15. № 2. 412 S.
 4. Kraus F. R. Ein Edikt des Königs Ammişaduqa von Babylon. Leiden, 1958. 487 s.
 5. Kraus F. R. Ein Edikt des Königs Samsu-iluna von Babylon // Studies in honor of Benno Landsberger on his seventy-fifth birthday. University of Chicago, 1965. 617 p.
 6. Law collections from Mesopotamia and Asia Minor (by M.T.Roth). Atlanta, 1997. 712 p.
 7. Maffi Y., Levine B.A. Studies in the Aramic legal papyri from Elephantine. Leiden-Boston, 2002. 534 p.
 8. Rendre la justice en Mesopotamie (Archives judiciaires du Proche-Orient ancien (III-I millénaires avant J.-C.)), PUV, Saint-Denis, 2000. 263 p.
 9. Schorr M. Urkunden des altbabylonischen zivil- und prozessrechts. Leipzig, 1913. 618 s.
 10. Ungnad A. Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie. Leipzig, 1915. 519 s.
 11. Westbrook R. A history of ancient near eastern law. V. I-II. V. II. Leiden-Boston, 2003. 876 p.

УДК 94.(32).04

Николаева Н.А.

Московский государственный областной университет

КУБANO-ТЕРСКАЯ КУЛЬТУРА: ХРОНОЛОГИЯ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА

N. Nikolaeva

Moscow State Regional University

THE KUBAN-TEREK CULTURE: THE INITIAL PERIOD CHRONOLOGY

Аннотация. Рассматривается взаимодействие кубано-терской и поздней куро-аракской культуры в Северной Осетии; обосновывается синхронизация первых двух этапов кубано-терской культуры и дольменов Новосвободной с заключительным этапом раннебронзового века Закавказья, датирующегося 22-21 вв. до н.э. Выявлен местный компонент кубано-терской культуры, (локальный вариант куро-аракской культуры Раннебронзового III в Северная Осетия и в Чечне), лингвистическая атрибуция которого устанавливается как «севернокавказская» для региона Чечня (Бамут) и «картвельская» для региона Северная Осетия.

Ключевые слова: Северный Кавказ, бронзовый век, периодизация, хронология, кубано-терская культура, курганы, Сачхере, Дзуарикау, Новосвободная, бронзовые топоры, Т-образные булавки, сосуды.

Abstract. The author examines the interaction between the Kuban-Terek culture and the final stage of the Kuro-Araks culture in the Northern Caucasus and comes to a conclusion about simultaneous existence of such monuments as Novosvobodnaya dolmens, the burials of the Kuban-Terek culture (Dzuarikau 1/19, Dzuarikau 1/15 in the Northern Ossetia) and Sachkhere kurgan burials in Imeretia (Georgia) on the base of similarity of the lances, the axes which were found in these monuments. The horizon of these burials dates from 22-21 BC.

Key words: Bronze Age, Northern Caucasus, chronology, Kuban-Terek culture, Sachkhere in Georgia, Dzuarikau in Ossetia, Novosvobodnaya, kurgan burials, bronze axes, T-headed pins, pots on the legs, two-handed amphorae.

Многоязычность населения Северного Кавказа складывалась в течение веков, но появление в этом регионе групп населения, говорящих на языках индоевропейской языковой семьи, обозначилось уже в III тыс. до н.э., что следует из присутствия древнейших индоевропейцев в картвельских языках [6; 21, 207-213]. Хотя данные лингвистики не определяют сосу-

ществование индоевропейцев и носителей северокавказских языков с этого периода, данные археологии могут внести некоторую ясность в этот вопрос, и этому посвящена данная работа.

Термин «Северный Кавказ» имеет не только историческое, но и географическое наполнение, которое объясняет разные пути развития степей и предгорий Кавказа в древности. Согласно физико-географическому районированию, Северный Кавказ (среднегорья, предгорья и наклонные равнины) отделяется от Предкавказья по линии прогибов, рву тектонического происхождения от низовьев Кубани до низовьев Терека. Только Прикубанская наклонная равнина является продолжением Западного Предкавказья, ничем не отделяется от него [28], что обусловило единство культурно-исторического процесса на этих территориях в древности. Напротив, Кубано-Терское междуречье, включающее Минераловодский район, Кабардинскую, Северо-Осетинскую наклонные равнины, отделены от Среднего Предкавказья хребтами и густой речной сетью [28; 21]. Это создает определенную изоляцию региона, что обусловило в разной степени взаимовлияние культуры степей и гор в регионе в разные исторические периоды. Северо-Восточный Кавказ развивался изолированно как от степей, так и от западной и центральной части Северного Кавказа, в значительной степени сохраняя в процессе эволюции куро-аракские традиции [3; 10, 327].

В конце III тыс. до н.э. этнокультурная карта Западного Предкавказья и центральной части Северного Кавказа меняется кардинально: исчезают майкопские памятники, сменяясь памятниками кубано-днепровской культуры с повозками в Прикубанье [4; 19; 27] и памятниками кубано-терской культуры (в дальнейшем – КТК) в Кубано-Терском междуречье. На Северо-Восточном Кавказе, напротив, продолжается эволюция куро-аракской культурной традиции, отраженная в курганных памятниках бассейна р. Фортанги (погребения с сосудами на ножках и топором сачхерского типа в курганах Бамутского

могильника [11], погребения Саади-Катар у с. Комсомольское в Чечне), сопоставляемых с алазано-беденской культурой северо-востока Грузии [12, рис.2, 3; 10].

В 1987 г. КТК была выделена как система памятников постмайкопского и докатакомбного времени, обладающая неизменной частью во всех категориях погребального обряда, т. е. ядром культуры, и более прочными внутренними связями между комплексами, чем внешними [14; 15; 17]. КТК представлялась нам гомогенной культурой с двумя вариантами – степным и предгорным, хотя подчеркивалось, что степной вариант слабо связан с предгорным. Последующий анализ показал, что только памятники предгорий Осетии, Кабарды и Верхнего (или Юго-Восточного) Прикубанья образуют гомогенную культуру, которая, наряду с памятниками степного варианта, и является частью северокавказской культурно-исторической общности [9; 10], если под этим термином понимать памятники постмайкопского времени западной и центральной части Северного Кавказа, имеющие генетическое родство с памятниками Восточной и Центральной Европы [21].

В процессе раскопок курганов Северной Осетии в 1976 г. было сделано важное заключение о существовании общего этапа развития в Северном Закавказье, на территории Кабардинской, Северо-Осетинской, Чеченской наклонных равнин – Раннебронзовый III, – соответствующего заключительному этапу куро-аракской культуры или горизонту памятников Сачхере – Бедени [7; 12]. Этот факт позволяет проследить начальный этап формирования кубано-терской культуры и более конкретно определить ее местный компонент.

Кубано-терская культура известна только по погребальным памятникам – курганам, поэтому основой периодизации этой культуры является курганная стратиграфия. Надежные данные стратиграфии в курганах Северной Осетии обусловили выбор этой территории в качестве базового региона как для выделения кубано-терской культуры, так

и для разработки ее периодизации [22; 21].

Периодизация кубано-терской культуры [15; 21] отличается от «последовательности стратиграфических горизонтов» тем, что период культуры может включать несколько стратиграфических горизонтов, если между этими горизонтами существует небольшой хронологический разрыв. Каждый период существования археологической культуры сопровождается появлением нового качества (в инвентаре, обряде погребения и т. д.).

Древнейшие погребения в курганах Северной Осетии, как и везде на Северо-Западном Кавказе относятся к майкопской культуре (Дзуарикау 1/20, 1/8: 2/5; 8/ц) [22; 21]. Подкурганые гробницы и дольмены типа Новосвободной, сменяющие майкопские памятники в Закубанье, занимают достаточно ограниченный ареал в Среднегорье [31]. В Пятигорье и Кабардино-Балкарии распространены их хронологические эквиваленты в виде каменных гробниц смешанного майкопско-новосвободненского типа [1; 29]. Они обозначены нами как Раннебронзовый II а [25; 21]. **В Северной Осетии нет новосвободненских памятников, но их место занимают древнейшие погребения кубано-терской культуры** (обряд – скорченно на боку, руки перед лицом) в квадратных ямах, перекрытых плитой с наброской булыжника на ней, под каменно-земляными курганами.

Такой далеко идущий вывод можно сделать на основании нахождения в этих погребениях бронзовых проушных топоров типа Новосвободной или типа «Банья Бюкк» [30, рис.1]. Этот горизонт обозначен как Раннебронзовый II б, исходя из более развитого варианта этого типа проушного топора в древнейших погребениях КТК сравнительно с найденными в гробницах Новосвободной (Дзуарикау 1/19, Дзуарикау 7/4) [21; 22, рис.2]. Керамический комплекс I этапа КТК включает амфоры и амфоровидные сосуды нескольких типов, различающиеся наличием или отсутствием ручек, размещением их на сосуде; двуручные сосуды и сосуды на ножках. Все сосуды, кроме последних, входят в ядро кубано-терской культуры.

По данным стратиграфии, погребения I этапа КТК непосредственно сменяются погребениями в прямоугольных ямах с закругленными углами, с трубчато-обушными топорами типа Сачхере, относящимися к финалу куро-аракской культуры в Закавказье [7; 13]. Хотя погребения с новосвободненским и сачхерским топорами находятся в разных стратиграфических горизонтах (Дзуарикау 1/19 с новосвободненским топором – в горизонте РБ IIб, относимым к I этапу, а Дзуарикау 1/15 – в горизонте РБ III, относимым нами ко II этапу КТК), их связывает типологически тождественный керамический комплекс (сосуды на ножках, двуручные сосуды типа «кратера» и корчаги с ручками на середине диаметра) [22, рис. 4], а следовательно, они близки по времени, если не одновременны.

Кроме того, погребения горизонта РБ III трудно отнести к проявлениям чисто куро-аракской традиции, несмотря на присутствие куро-аракских признаков (сачхерского топора в Дзуарикау 1/15, желто-розового ангоба на внутренней поверхности сосудов при черной внешней поверхности в Дзуарикау 2/2), поскольку куро-аракские элементы встречены с чисто кубано-терскими, двуручными сосудами, орнаментированными «шнуром» (Дзуарикау 1/15) и топором кабардино-пятигорского типа (Дзуарикау 2/2) [22, рис.7]. Вот почему мы назвали их в публикации материалов могильника [22; 21] памятниками смешанной КТК/КАРК традиции.

Но смешанные памятники могут образоваться, если существуют отдельно каждая из смешиваемых культурных традиций в непосредственной близости. Такой территорией является среднегорье Северной Осетии, предгорья и среднегорья Чечни, которые находятся в 70 км от Дзуарикау [12]. Следовательно, проявления в чистом виде куро-аракской традиции заключительного этапа должны быть синхронны горизонту РБ II б и I этапу КТК. При этих условиях синкретичные погребения КТК/КАРК были отнесены к РБ III и II этапу КТК.

Совстречаемость сачхерских топоров со штыковыми копьями, несущими надписи

имен аккадского правителя Маништусу (22 в. до н.э.) и эламского правителя Пузур Шушинака, определяет дату топоров и погребальных памятников, где они встречены, 22-21 в. до н.э., хотя тип штыковых копий надо датировать в более широком интервале: конец Раннединастического III (некрополь Ура) – конец Аккадского периода [7].

Раннебронзовый III на Северном Кавказе, таким образом, получил соответствие в поздних куро-аракских памятниках III этапа раннебронзового века Закавказья [8, 62].

Памятники новосвободненской культуры [31] и комплексы КТК I-II этапов [22] объединяются на основе импортов из куро-аракских центров, принадлежащих одному и тому же хронологическому горизонту в Закавказье. Это – листовидные копия с черенковым насадом в дольмене Новосвободной и топор «сачхерского» типа в погребении Дзуарикау 1/15, зафиксированные в Закавказье в одних комплексах со штыковыми копьями, Т-образными булавками с катушечной головкой и булавками с двуволютным навершием, с кинжалами с цельнолитой рукоятью [7, табл. LIX, LX, LXV, LXVIII; 8, 116, рис. 26, 41, 42]. Если исходить из даты куро-аракских импортов в этих северокавказских памятниках (копья и топоры), датирующихся одними тем же периодом, хронологический промежуток между I этапом КТК и дольменами Новосвободной должен быть незначителен. Значит, все эти памятники (дольмены и гробницы Новосвободной; I и II этапы КТК) существовали в течение III этапа куро-аракской культуры Закавказья (=Раннебронзовый III Закавказья).

Поскольку новосвободненских памятников не обнаружено в Северной Осетии, и они исчезают быстро и на Западном Кавказе, такая категория инвентаря, как проушной топор в Дзуарикау 1/19, общая для двух культур, новосвободненской и кубано-терской, и указывающая на незначительный разрыв во времени двух культур, могла проявиться в начальной стадии КТК (Дзуарикау 1/19, Скачки к/п) не только как наследие новосвободненского металлокомплекса, но и как прямой

импорт или из Центральной Европы, или из Закавказья. Этот топор мог быть принесен мигрантами КТК со своей прародине в Центрально-Восточной Европе, где «тип Банья Бюкк» характеризует памятники Нижнего Подунавья конца III тыс. до н.э. [30, 14, рис. 1]. **Незначительный промежуток времени, отделяющий погребения I этапа от II этапа КТК, позволяет датировать оба этапа КТК в пределах хронологического отрезка – РБ III Закавказья.**

Топоры следующего стратиграфического горизонта РБ III, трубчато-обушные топоры, по Б.А. Куфтину, аналогичные Дзуарикау 1/15, найдены в Закавказье и на поселении Караз [8, рис. 24:24; 13, 39, рис. 12], и в курганных погребениях Сачхере [7; 8, рис. 48:6-9], которые датируются узким хронологическим интервалом, финальным периодом РБ III в Закавказье, учитывая их быструю эволюцию. Аналогичные медные проушные топоры найдены в Балановском могильнике, что свидетельствует или об общности их происхождения, или о контактах Кавказа со Средним Поволжьем. Исходным центром таких топоров в равной мере может быть и Центральная Европа, и Закавказье. Однако анализ топоров из Балановского могильника указывает на центральноевропейское происхождение металла, зафиксированного и в позднетрипольском металлокомплексе, и в металлокомплексе среднеднепровской культуры [2, 178, рис. 115].

В подкурганных погребениях Сачхерского района (Корети, Начеркезеви, Царцис-гора) такие топоры находят в комплексе с Т-образными булавками, с двуволютными булавками, с пастовыми длинно-цилиндрическими бусами, с бронзовыми кольцевидными и спиралевидными подвесками, со штыковыми копьями и листовидными с черенковым насадом копьями [7, табл. LIX, LX, LXV, LXVIII]. Кроме погребений в курганах Сачхере, комплекс таких предметов находят в слоях поселений Амиранисгора, в верхних слоях Караза, в Хизанаантгора «В» и Квацхелеби «В», т. е. в памятниках РБ III Закавказья, что в абсолютных датах соответствует 2300-2000

гг. до н.э. [13, 18]. Сходство рассматриваемых памятников не ограничивается только бронзовыми артефактами. На поселении Квацхелеби «В», помимо металла, найдены двуручные, как в Дзуарикау 2/6, большие «кратеры» и кружки. В Хизанаантгора «В» – Квацхелеби «В» найдены кувшины с геометрическим орнаментом [8, рис. 26], аналогичным орнаменту на кувшинах в Дзуарикау 7/1-3 [22; 21].

Список куро-аракских импортов в курганах центральной части Северного Кавказа включает, кроме упомянутых топоров, Т-образные булавки с катушечной головкой, булавки с волютным навершием. Все эти предметы встречаются в Закавказье в одном комплексе с топорами сачхерского типа и датируются 21 в. до н.э. [по штыковым копьям с надписью времени правления Пузур Шушинака – 7, 72-74, табл. LX]. Эти куро-аракские импорты не сосредоточены в каком-либо одном раннем комплексе КТК, но образуют горизонт памятников, синхронность которых может быть доказана.

В отличие от трубчато-обушных топоров, которые встречены в Северной Осетии, Кабарде и Чечне, другая яркая черта куро-аракского комплекса последнего этапа – Т-образные булавки с катушечной головкой – отмечена в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Эти булавки зафиксированы в погребении «Кабардинский парк (КБП) 4/1», которое синхронизируется с погребением «Кабардинский парк (КБП) 2/1» по тождественным двуручным сосудам [5, рис. 13, 15, 16, 28] С.Н. Корневский привел также 13 экз. Т-образных булавок вне комплекса, а В.Л. Ростунов раскопал Т-образную булавку в комплексе с браслетами в погребении 7 в могильнике Загли I в среднегорье Северной Осетии [23, 28, 29].

Сводный комплекс двух погребений КБП 4/1 и КБП 2/1 включает, кроме Т-образных булавок, двуручные сосуды, небольшие амфоры с двумя выступами, кубки, миски, топоры кабардино-пятигорского типа I стадии, по В.А. Сафронову [25; 26]; двуволютные булавки. Подобные двуручные сосуды с «жемчужинами» на линии наибольшего

диаметра находят аналогию в курганах 8 и 9 в Дзуарикау [21]. Погребения КБП 4/1 и КБП 2/1 являются основными в курганах и совершены в ямах с булыжниковой наброской. Однако обряд этих погребений не дает ясного представления о положении скелета: в погребении КБП 4/1 он не ясен, а обряд КБП 2/1 (сильно скорченно на левом боку) требует подтверждения. Впускными в КБП к. 2 являются скорченные погребения, а в кургане КБП 4 впускными являются вытянутые погребения. Уточнить обряд захоронений КБП 4/1 и 2/1 позволяет погребение 9/3 в Чегеме I с Т-образной булавкой и двуручным сосудом, содержащее скелет на левом боку в умеренно согнутом положении [1, 12, рис. 28:3, рис. 25:8].

Параллельно появлению закавказских импортов на Северном Кавказе отмечены пока никем не объяснимые инновации в погребальном обряде населения позднего этапа куро-аракской культуры на территории Имеретии-Южной Осетии, выразившиеся в появлении в погребальной практике курганов. На основании сказанного мы приходим к выводу, что в области Южной Осетии, в Шида Картли и Кахетии зафиксирован курганный погребальный обряд [13], совпадающий во многих деталях с обрядом подкурганных погребений РБ III в Дзуарикау Северной Осетии, подкурганных погребений на территории Кабардино-Балкарии [1; 29] и Чечне [11;12], что можно рассматривать либо как результат контактов населения Северного Кавказа и Закавказья, или как уход части «курганного» населения Северного Кавказа в Закавказье.

Горизонт погребений КТК/КАРК, включающий КБП 2/1, 4/1 [5], комплексы курганов «в садках» Нальчика № I-V из поступлений 1929 г. с Т-образными и двуволютными булавками [5, 233, рис. 34, 37, 40] дополняет и расширяет содержание I этапа КТК (Дзуарикау 1/19, 1/15, 2/2) на основании идентичных сосудов (двуручные сосуды IX типа, по классификации керамики Дзуарикау – [22; 21]).

Появление памятников горизонта РБ III на Северном Кавказе связывается с куро-

аракской культурой последнего этапа раннебронзового века Закавказья, которая была распространена не только в Закавказье, но и на Северо-Восточном Кавказе [11; 12; 13, 194-195] и в горных районах Северной Осетии [23; 24].

Таким образом, по данным археологии наблюдается глубокое взаимопроникновение элементов материальной культуры Северного Кавказа (КТК) и Закавказья (КАРК) в последний период существования КАРК [16], что не могло не найти отражения в лексических заимствованиях в языках контактирующих этносов [6]. Анализ индоевропеизмов в картвельских и осетинском языке показывает, что в III тыс. до н.э. на Северный Кавказ приходят древнеевропейцы – предки исторических кельтов, италиков, иллирийцев, балтов, германцев, славян (эквивалент – кубано-терская археологическая культура) [20; 21]. Местный компонент, представленный куро-аракской культурой, в своих локальных вариантах соответствует картвельскому и северокавказскому субстрату, который зафиксирован на Северном Кавказе (на территории Северной Осетии, Ингушетии и частично Чечни).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. I. Нальчик. 1984. С. 7-88.
2. Бадер О.Н. Балановский могильник. М., 1963. 370 с.
3. Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Материалы по археологии Дагестана. № 5. Махачкала. 1974. 175 с.
4. Гей А.Н. Новотитаровская культура. М., 2000. 233 с.
5. Деген Б.Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии. М.-Л., 1941. № 3. С. 213-317.
6. Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Наследие, 1994. 249 с.
7. Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси: Изд-во АН Грузии, 1949. 229 с.
8. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970. 192 с.
9. Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху средней бронзы // Материалы и исследования по археологии. № 93. М., 1960. 150 с.
10. Марковин В.И. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа // Археология СССР, 20-томное издание под общей редакцией Б.А. Рыбакова. М., 1994. 383 с.
11. Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы и исследования по археологии. М., 1961. № 100. 167 с.
12. Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 27-39.
13. Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ч. 1. Ранняя бронза Кавказа. М., С. 5-58.
14. Николаева Н.А. Выделение КТК ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета. 1980. С. 97-120.
15. Николаева Н.А. Периодизация КТК. Исторические судьбы КТК // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета, 1981. С. 77-100.
16. Николаева Н.А. О пракартвело-индоевропейских контактах по археологическим данным // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. Тез. и докл. конф. Института востоковедения АН СССР. М., 1984. С. 73-76.
17. Николаева Н.А. Кубано-Терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы (выделение и периодизация КТК): Автореф. канд. дисс. Л., 1987. 17 с.
18. Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия «История и политические науки». № 1. М., 2006. С. 3-12.
19. Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе // Вестник Московского гос. обл. университета. Серия История и политические науки. № 1. М., 2007. С. 3-26.
20. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. по данным археологии, лингвистики, мифологии // Краткие сообщения Института археологии РАН. № 223. М., 2010. С. 121-143.
21. Николаева Н.А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III-II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 536 с.
22. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный мо-

- гильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета, 1980. С. 18-81.
23. Ростунов В.Л. Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III-II тыс. до н.э. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета, 1986. С. 24-45.
24. Ростунов. В.Л. К вопросу о соотношении энеолитической, майкопской и куро-аракской культур в горной зоне Центрального Кавказа // XVIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Кисловодск, 1994. С. 17-18.
25. Сафронов В.А. Периодизация и хронология раннего и начала среднебронзового века Северной Осетии // VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 71-74.
26. Сафронов В.А. Хронологическая система бронзового века предгорной полосы центральной и западной части Северного Кавказа // IX Крупновские чтения. Тезисы докладов. Элиста, 1979. С. 10-12.
27. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Проблема появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе: Из-во Северо-Осетинского университета, 1983. С. 43-83.
28. Физическая география СССР / Алпагьев А. М., Архангельский А. М., Подоппелов Н.Я. М.: Высшая школа, 1973, 1976 (две части).
29. Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972 – 1979 гг. Т. I. Памятники эпохи бронзы III–II тыс. до н.э. Нальчик, 1984. С. 164-254.
30. Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1967. 280 с.
31. Rezapkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkavkazien. Rahden/Westf, 2000. 78 с.